

ПЕРЕВОДЫ. РЕЛЯТИВИЗАЦИЯ A PRIORI

УДК 1 (091) + 16

ФАБИО ДЖИРОНИ. ЧТО ДЛЯ НАС СДЕЛАЛ КАНТ? СПЕКУЛЯТИВНЫЙ РЕАЛИЗМ И ДИНАМИЧЕСКОЕ КАНТИАНСТВО¹ (перевод О. А. Лунева-Коробского)

О. А. Лунев-Коробский

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
sickrrett@gmail.com

Аннотация: Публикация представляет русский перевод статьи Ф. Джирони, посвященной панорамному обзору попыток осуществить релятивизацию кантовских представлений об априорном знании. Джирони реконструирует различные подходы и интерпретации с акцентом на идеях К. И. Льюиса, Г. Рейхенбаха, У. Селларса и М. Фридмана в контексте научного реализма и соотносит такие формы динамического кантианства со спекулятивными проектами последних лет, построенными на основе критики или отказа от наследия Канта. Тем самым автор аргументирует в пользу того, что идеи Канта об априорных понятийных структурах составляют ядро дискуссий о роли философии по отношению к науке в противовес вариантам метафизики и философии науки, которые на замену т. н. корреляционистской парадигме трансцендентальной критики предлагают неограниченную спекуляцию, выпадающую из соответствия современным научным реалиям. Натурализованное кантианство У. Селларса представляется в качестве наиболее перспективного отправного пункта для последующих спекулятивных – трансцендентальных – начинаний в области концептуализации метапонятийных каркасов, которые будут отвечать требованиям регуляции и систематизации реальности научного дискурса. Именно таким видится спекулятивный реализм, сообразный с тем, чем мы обязаны философии Канта.

Ключевые слова: априори, динамическое кантианство, научный реализм, спекулятивный реализм, У. Селларс.

Для цитирования: Лунев-Коробский, О. А. (2024). Фабио Джирони. Что для нас сделал Кант? Спекулятивный реализм и динамическое кантианство (перевод О. А. Лунева-Коробского). *Respublica Literaria*. Т. 5. № 2. С. 124-149. DOI: 10.47850/RL.2024.5.2.124-149

FABIO GIRONI. WHAT HAS KANT EVER DONE FOR US? SPECULATIVE REALISM AND DYNAMIC KANTIANISM (Translated by O. A. Lunev-Korobsky)

O. A. Lunev-Korobsky

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
sickrrett@gmail.com

¹ Gironi F. (2015). What has Kant ever done for us? Speculative realism and dynamic Kantianism. In De Sanctis, S., Longo, A. (eds.). *Breaking the spell. Contemporary realism under discussion*. Mimesis International. Pp. 89-113. Публикуется с любезного разрешения автора.

Abstract. This publication is a Russian translation of F. Gironi's paper devoted to a panoramic survey of attempts to relativize Kantian ideas about *a priori* knowledge. Gironi reconstructs various approaches and interpretations, focusing on the ideas of C. I. Lewis, H. Reichenbach, W. Sellars, and M. Friedman within the context of scientific realism, and relates such forms of dynamic Kantianism to recent speculative projects based on a critique or rejection of Kant's legacy. In doing so, the author argues that Kant's ideas on *a priori* conceptual structures form the core of debates about the role of philosophy *vis-a-vis* science, as opposed to variants of metaphysics and philosophy of science, which replace the so-called correlationist paradigm of transcendental critique with unconstrained speculation that falls out of step with the realities of modern science. The naturalized Kantianism of W. Sellars appears to be the most promising starting point for subsequent speculative – and transcendental – endeavours in the field of conceptualizing meta-conceptual frameworks that would meet the need to regulate and systematize the reality of scientific discourse. This is precisely what speculative realism, consistent with what we owe to Kant's philosophy, is supposed to be.

Keywords: *a priori*, dynamic Kantianism, scientific realism, speculative realism, W. Sellars.

For citation: Lunev-Korobsky, O. A. (2024). Gironi F. What has Kant ever done for us? Speculative realism and dynamic Kantianism. (Translated by O. A. Lunev-Korobsky). *Respublica Literaria*. Vol. 5. No. 2. Pp. 124-149. DOI: 10.47850/RL.2024.5.2.124-149

[Разум] напрасно расправляет свои крылья,
чтобы одной лишь силой спекуляции
выйти за пределы чувственно воспринимаемого мира.

И. Кант. *Критика чистого разума*

Недавнее возобновление дискуссий о реализме в современной континентальной философии часто сопровождается более или менее явной критикой или отказом от кантовского наследия. Как утверждается, на трансцендентальный критический проект Канта должна быть возложена ответственность за сворачивание метафизических амбиций, развенчание понятия объективности, ограничение сферы философии эгоцентрическим описанием нашего доступа к вселенной, а также за сокращение пределов человеческого познания замкнутой областью только лишь явлений, что в конечном итоге привело к дальнейшим поворотам событий в философии – сначала в традиции немецкого идеализма, а затем и в большей части континентальной философии двадцатого века, – к утрате права на реалистические амбиции, направленные непосредственно на реальность как таковую или даже на ее постижение.

Хотя в этой крупномасштабной исторической реконструкции есть доля правды: «парадигма кантианства» [Kantian paradigm]² действительно была принята и модифицирована философами, придерживающимися (в широком смысле) антиреалистической программы, я хочу выдвинуть тезис о том, что, возможно, влияние Канта на философию последних двух столетий было несправедливо сведено к позиции «слабого корреляционизма» (таков чрезвычайно влиятельный ярлык Мейясу, применяемый к позиции, которая «исключает знание о вещи в себе (всякое применение категорий к сверхчувственному), но сохраняет мыслимость “в-себе”»). Хотя ярлык «слабого

² Этот термин введен Ли Бравером в [Braver, 2007].

корреляционизма» можно с полным основанием³ применить к Канту, иногда такое обличение приводит к полному отказу от трансцендентального проекта или, в более широком смысле, от идеи о том, что существуют эпистемологические препятствия, которые необходимо преодолеть, прежде чем обрести доступ к реальному, – эти предостерегающие рекомендации предстают лишь как досадный симптом неисправимого антиреализма. Стремясь вновь ввести в философию основательные метафизические спекуляции о реальности самой по себе, нам (иронически) рекомендовали сказать: «Прощай, Кант!» [см.: Ferraris, 2013]⁴, с подозрением взглянуть на его катастрофическую в философском отношении «птолемеевскую контрреволюцию» [Мейясу, 2015, с. 176], отвергнуть его педантичную настойчивость на конечности во имя давно забытого «Великого Внешнего, абсолютного Внешнего докритических мыслителей» [Там же, с. 15], или сместить его ограниченное внимание с отношений между рациональными агентами и объектами познания на отношение между объектами как таковыми [см.: Harman, 2013]. В самом деле, Питер Граттон в недавнем критическом исследовании рассказывает о том, как участники конференции «Спекулятивный реализм», состоявшейся в 2007 г. в Лондоне, «похоже, согласны только в одном: что европейская философия со времен Канта перестала говорить о реальности, поскольку застряла в размышлениях о том, как мы познаем реальность» [Gratton, 2014, р. 4]⁵. Исходя из стремления к более непосредственному контакту с этой

³ Но не без разногласий: в определении, данном Мейясу, похоже, игнорируется возможность неметафизической интерпретации кантовского трансцендентального идеализма, того, что сегодня называется «двухаспектным» [two-aspects] (в противовес «двумирному» [two-worlds]) эпистемологическим прочтением различия на феномены и ноумены, наиболее известным сторонником которого является Генри Эллисон. [см.: Allison, 2004].

⁴ Позиция Феррариса относительно философии Канта более утончена, чем можно предположить на основании провокационного названия. Он поясняет, что «если Кант с чем и сражался, так это с наивным взглядом на вещи, с непосредственным подходом к восприятию мира, и делал это слишком успешно для здравого смысла. И он делал это без недоказательности скептика, с конструктивным желанием честного философа, который был также одним из величайших деятелей в области человеческой мысли <...> Таким образом, возвращение реализма спустя две сотни лет после кантовского поворота – это не результат банального раскачивания маятника, но, скорее всего, признак того, что этот поворот был в полной мере усвоен. Наивный взгляд на мир возможен и даже необходим, но наивность не есть нечто заведомо данное, ее нужно заслужить» [Ferraris, 2013, р. 103]. Тем не менее, я не согласен с проговариваемым акцентом на наивном взгляде на мир, поскольку натурализованное кантианство, которого я придерживаюсь, с необходимостью рассматривает реализм в качестве средства построения не-наивного взгляда на мир, обещающего такое «непосредственное» (невыводное) сообщение с реальностью самой по себе только в качестве никогда в полной мере не достигаемого регулятивного идеала.

⁵ Конечно, Граттон прекрасно понимает, что это историческое наблюдение по поводу пути, пройденного европейской посткантовской философией, не привело всех четверых «спекулятивных реалистов» к полновесному отказу от кантианского проекта. Рэй Брассье, непосредственно ответственный за введение идей Селларса в эту реалистическую дискуссию (и косвенно ответственный за то, что я сам прибегаю к идеям Селларса в данной работе), никогда не осуждал философию Канта только лишь как препятствие, которое нужно преодолеть, но пытался с помощью философии Селларса примирить реалистическую точку зрения с тщательным анализом наших понятийных средств доступа к реальности [на эту тему см.: Брассье, 2017]. Отмечу, что критическая вовлеченность Брассье в трансцендентальный проект Канта (по траектории очень схожей с той, которую я отстаиваю здесь), восходит к некоторым из его самых ранних работ. В статье 2001 г. Брассье одобряет кантовский «основополагающий отказ от какой бы то ни было связи с незамысловатой феноменологической верой в дотеоретическую эмпирическую непосредственность «вещей самих по себе»»,

реальностью, нам вновь предлагают отбросить нарциссический антропоцентризм и вместе с ним чрезмерную озабоченность условиями познания. Меньше эпистемологических медитаций на пупок [navel-gazing], больше метафизического созерцания звезд [star-gazing].

Однако для современного реалиста есть и другой путь, который предполагает заинтересованность в сохранении наиболее фундаментальных достижений кенигсбергского философа, и вместе с тем более уважительное отношение к лучшим из имеющихся в нашем распоряжении эпистемических практик: к естественным наукам. Я намерен настаивать на том, что именно такой кантианский маршрут ведет напрямую в ту область современного реализма, где философия Уилфрида Селларса была воспринята в качестве лучшего из современных вариантов реализма, – натурализованного кантианства⁶. Самозванный реализм, не замечающий вклада наших понятийных [conceptual] структур в эмпирическое исследование (и обусловленность последнего ими же), и готовый заплатить любую эпистемологическую или метафизическую цену за то, чтобы оказаться «после конечности», – это не тот реализм, к которому следует стремиться.

Пересмотр априори

Я спрашиваю, откуда вам известно, что *априорные* истины достоверны, точны и как таковые не допускают никаких исключений? Вы не можете прийти к этому посредством рассуждения. Ибо полученное таким образом знание никак не может обладать совершенной достоверностью и не иметь исключений. Стало быть, все указывает на его *априорный* характер; т. е. вы принимаете *априорные* суждения в их оценке исходя из них самих, не прибегая к критике и удостоверению, запирая тем самым на крепкий засов врата исследования.

Ч. С. Пирс. *Принципы философии*

[Т]о, что однажды считалось неоспоримым, на следующий день оказывалось ложным.

Ч. С. Пирс. *Обзор прагматизма* [A Survey of Pragmatism]

Философская традиция, связанная с «релятивизацией» кантовского *априори*, утверждает, что философ науки, который мыслит исторически, может и должен сохранять кантовскую дискурсивную эпистемологическую структуру понятийно опосредованного эмпирического контакта с реальностью, но только там, где понятие *априорных* условий опыта предстает в качестве того, что (согласно различным описаниям) является «релятивизированным», «контекстуальным», «прагматическим» или «функциональным». Далее я предложу краткий обзор этого понятия релятивизированных *априорных* принципов на примере работ различных философов, которые задействовали данное понятие для развертывания оснований революционного изложения кантианства и физикализма, осуществленного Селларсом.

подчеркивая при этом несостоятельность кантовского усложнения трансцендентальных структур опыта в том, что касается евклидовой геометрии и ньютоновской динамики [см.: Brassier, 2001, p. 54].

⁶ Прекрасный анализ того, как работы Селларса могут помочь решить проблемы, присущие «спекулятивному реализму», и который дополняет тот, что я предлагаю здесь [см.: Sacilotto, 2013].

Первый шаг в этом направлении можно обнаружить в традиции «научной философии» (*wissenschaftliche Philosophie*), развивавшейся в период между второй половиной девятнадцатого века и началом двадцатого века в Германии, в рамках которой, представляя собой реакцию на метафизические излишества посткантовского немецкого идеализма, особенно гегельянской / шеллингианской формы *Naturphilosophie*, в противовес Канту холистически соединяющей понятия и бытие, жизнь и материю, возникло движение «назад к Канту», которое стремилось примирить трансцендентальный проект с современной наукой⁷. Хотя одна из отличительных черт венского логического эмпиризма, находившегося под особым влиянием Морица Шлика, состояла в отказе от кантовского синтетического *априори*, историю «релятивизированной» формы *априорных* принципов можно не без пользы⁸ проследить до ранних работ одного из его близких единомышленников – Ганса Рейхенбаха. В некоторых биографических размышлениях этот философ-представитель Берлинского общества научной философии [Berlin Circle] рассказывает о том, как именно знакомство с революционными научными достижениями того времени привело его к переосмыслению кантовского проекта:

«Я посещал лекции Эйнштейна в Берлинском университете; в то время его аудитория была очень малочисленна, потому что имя Эйнштейна еще не стало известным для широкой публики. Теория относительности произвела на меня необычайное впечатление и привела меня к конфликту с философией Канта. Эйнштейновская критика проблемы пространства-времени помогла мне осознать, что понятие *априори* Канта было действительно неприемлемо. Результат этого глубокого внутреннего изменения я изложил в небольшой книге под названием *Теория относительности и априорное знание*» [Relativitätstheorie und Erkenntnis Apriori] [Reichenbach, Cohen, 1978a, p. 2].

Теория относительности Эйнштейна, опираясь на не-евклидову (риманову) геометрию и ограничивая действие ньютоновских законов движения, грозила бесповоротно подорвать кантовскую систему (согласно которой евклидово пространство есть модель чистой формы созерцания пространства, а законы Ньютона рассматриваются как эмпирические примеры чистых *априорных* принципов движения)⁹. Впрочем, Рейхенбах продолжал считать Канта лучшим философским ресурсом для эпистемологии современной науки (считая такой подход более перспективным, чем радикальные формы эмпиризма), но заметил, что решающая ошибка Канта заключалась в утверждении слишком прямолинейного «согласия между природой и человеческой способностью познания». Напротив, утверждает он: «... существует возможность противоречия между человеческой системой понятий и природой.

⁷ В 1855 г. Герман Гельмгольц публично выступил с работой *О зрении человека* [Über das Sehen des Menschen], предложив физиологическое объяснение человеческого зрения в соответствии с эпистемологией Канта, что часто считают первым призывом к действию, обращенным к философам, заинтересованным в развитии этого наукообразного неокантианского подхода. Намного более детализированное исследование исторического возникновения неокантианства в немецкой академии, проблематизирующее это несколько упрощенное представление об антиидеалистической ответной реакции [см.: Kohnke, 1991].

⁸ История конвенционализма как такового, разумеется, восходит по крайней мере к Пуанкаре и Маху – виднейшим фигурам влияния в этих дискуссиях, но в данной статье я пытаюсь более отчетливо проследить пути неокантианства, начиная с Рейхенбаха и далее.

⁹ Подробное исследование того, какие аспекты кантовского понятия синтетического *априори* могут и не могут устоять после логико-научных революций двадцатого века [см.: Richardson, 1998, ch. 4].

Тем не менее, в таком случае эпистемология вовсе не обязана потерпеть полный провал, поскольку человек обладает способностью вносить изменения в свою систему понятий и адаптировать ее к природе. Именно это и произошло с теорией относительности» [Ibid., p. 4]¹⁰.

В своей работе 1920 г. *Теория относительности и априорное знание* [Reichenbach, 1965] (его *Habilitationsschrift*), по совместительству одной из первых философских конфронтаций с новой теорией Эйнштейна, Рейхенбах пытается осуществить пересмотр кантовской эпистемологии в свете понятийной революции, вызванной теорией относительности. Он принципиально различает два значения *априори*: во-первых, утверждает Рейхенбах, *априори* может означать «необходимо истинное» или «истинное во всякое время»; во-вторых, его можно интерпретировать как «конститутивное понятие объекта» [Ibid., p. 48]. Отвергая первую характеристику и сохраняя при этом вторую, Рейхенбах стремится сохранить роль *априори*, которое теперь понимается как диахронически контингентный, но все еще синхронически необходимый принцип установления смысла научных теорий. Рейхенбах замечает, что там, где мы обнаруживаем противоречие между такими произвольными конститутивными принципами и эмпирическими (экспериментальными) свидетельствами, последние вынуждают нас *пересмотреть* первые: «... именно опыт определяет, какие элементы являются необходимыми» [Ibid., p. 88]. В этом смысле ошибка Канта заключается в том, что «его система *априорных* принципов представляет собой просто канонизацию “здорового смысла”, того наивного заверения разума, который он сам время от времени отвергает с рассудительной пронизательностью» [Ibid., p. 73]. Таким образом, в синтетической формулировке ключевой тезис Рейхенбаха состоит в том, что, вопреки Канту, «“*априори*” означает “до познания”, но не “во всякое время” и не “независимо от опыта”» [Ibid., p. 105]. Понятийные каркасы [frameworks] *априорны* в том смысле, что они отвечают за организацию нашего опыта, но не в том смысле, что они совершенно не подлежат пересмотру в свете неподатливого опыта. Таким образом, в противовес традиционному эмпиризму Рейхенбах настаивает на том, что изучение физических теорий демонстрирует, что существует эпистемологическое различие между *априорными* (в этом смысле «значениеустанавливающими» [meaning-constituting]), пространственно-временными каркасами («аксиомами согласования», устанавливающими правила согласования между математическими репрезентациями и эмпирической реальностью) и эмпирическими законами («аксиомами связывания»), предполагающими такие каркасы. Впрочем, как показал Майкл Фридман [см.: Friedman, 1999, ch. 3], Рейхенбах в конце концов модифицировал эту точку зрения после эпистолярного общения со Шликом, в сущности, отказавшись от понятия релятивизированного *априори* посредством растворения различия между эмпирическими и неэмпирическими частями теории, соскальзывая, таким образом, к чему-то вроде куайновского холизма, отвергающего различие между *априорным* и *апостериорным*.

Однако Рейхенбах не остался единственным случаем в истории пересмотра кантовского *априори*, и рассуждения о «языковых каркасах» позднего Карнапа можно прочитывать в таком ключе релятивизированного кантианства. В своей статье 1950 г. «Эмпиризм, семантика и онтология», посвященной проблеме абстрактных сущностей, Карнап вводит

¹⁰ Курсив добавлен [см. также: Reichenbach, Cohen, 1978b, pp. 37-39].

понятие лингвистического каркаса как системы языковых правил (вводящих новые сущности в качестве значений переменных), что позволяет сформулировать «внутренние» вопросы касательно области сущностей и объекта того каркаса, который оказывается под рассмотрением, и вопросы, которые либо объявляются аналитическими (в случае общих вопросов типа «существуют ли X?»)¹¹, либо предполагают получение ответа на них посредством эмпирического исследования. Этим «внутренним» вопросам Карнап противопоставляет «внешние» (т. е. внешние относительно языковых каркасов) вопросы такого рода, которые предпочтительны для метафизиков, нацеленные на разрешение общих проблем существования, независимых от любых конкретных каркасов или даже требующие разрешения спорной ситуации между различными каркасами в соответствии с некоторым критерием работы мета-каркаса. Карнап считает, что вопросы второго типа по своей сути бессмысленны и являются псевдовопросами, «поставленными неправильно» [Карнап, 1959, с. 301], если мы пытаемся интерпретировать их как теоретические. Выбор между множественностью логических каркасов (между языками, в пределах которых проблемы существования будут формулироваться легитимным образом) видится Карнапу вопросом сугубо прагматическим, вопросом коллективного решения, а не эмпирического обоснования¹². Поэтому Карнап защищает свой так называемый «принцип толерантности», согласно которому «наше дело не устанавливать запреты, а достигать соглашений» [Carнар, 2000, р. 51], поскольку «декретировать догматические запрещения определенных языковых форм вместо проверки их успехом или неудачей в практическом употреблении более чем напрасно – это положительно вредно, ибо это может препятствовать научному прогрессу» [Карнап, 1959, с. 320]. Другими словами, различные каркасы (т. е. квази-трансцендентальные логические системы для установления смысла научных утверждений) могут конвенциональным образом приниматься и оцениваться на основании их полезности для эпистемических агентов в стремлении к научному знанию¹³. Вот как резюмирует эту позицию Коффа:

«Такая “лингвистическая” (лучше сказать – семантическая) теория *априори* <...> в трудах <...> Карнапа будет просто утверждать, что всякая необходимость есть семантическая необходимость, что всякая *априорная* истина есть истина *ex vi terminorum*, что когда утверждение необходимо, то это

¹¹ Таким образом, Селларс, рассматривая подход Карнапа, поясняет: утверждение «существуют X», по сути, представляет собой экспликацию того факта, что X – это *категория* в рамках рассматриваемого каркаса [см.: Sellars, 1963].

¹² Строгое разграничение Карнапом теоретической и практической областей несколько иронично переключается с той посткантианской традицией, в отмежевании от которой были заинтересованы позитивисты, в частности, от гегелевского пересмотра идей Канта согласно принципу (в формулировке Брэндома, заимствованной у Хогленда), что «любое трансцендентальное построение [constitution] является социальным образованием [institution]». Однако, в отличие от Гегеля, Карнап в итоге исключает (научный) разум из практической сферы: так, Томас Морманн пронизательно ставит под вопрос реконструкции идей Карнапа в духе мыслителя Просвещения, основывая свои возражения именно имплицитной и «романтической / ницшеанской» приверженностью Карнапа дуализму *Geist* и *Leben*, причем последняя по определению является областью аффектно-ориентированного практического действия, свободного от рационально мотивированных решений, территорией, запретной для научного философа, не интересующегося грязными подробностями практического мира [см.: Mormann, 2012].

¹³ Лучшее описание перехода Карнапа от ранней фазы «рациональной реконструкции», когда он искал окончательный и неизменный логический каркас познания, к данной, более поздней плюралистической концепции целого ландшафта возможных каркасов [см.: Carus, 2007].

потому, что отказ от него был бы лишь вводящим в заблуждение способом отказаться от того языка (системы значений), к которому оно принадлежит» [Коффа, 2024, с. 193, пер. изм.].

Учитывая, что, говоря словами Алана Ричардсона, «чем больше погружаешься в мысль Карнапа, тем больше обнаруживаешь своего рода непредвзятость и прагматизм в самом ее основании» [Richardson, 2007, p. 296]¹⁴, не стоит удивляться тому, что философы, принадлежащие американской традиции прагматизма, развивают такого рода неокантианские идеи и держат в фокусе своего внимания те элементы научной теории (на самом деле – элементы любого процесса познания вообще), которые обладают уникальным, конститутивным эпистемологическим статусом¹⁵. Поэтому, начав с фундаментального кантовского предположения (разделяемого в более или менее строгом виде всеми философами, которых я здесь рассматриваю), согласно которому «опыт не категоризирует сам себя» [Lewis, 1956, p. 14], поскольку «без исходных принципов, которые служат для нас руководством в наступлении на хаотическую массу опыта, он всегда оставался бы беспорядочным и непокорным» [Ibid., p. 254], и в то же время будучи убежденным в том, что «традиционные представления об *априори* оказались несостоятельными» [Lewis, Goheen, Mothershead, 1970, p. 231], К. И. Льюис привнес в теорию *априори прагматический* аспект, заявив, что отбор и принятие (или отказ от) таких принципов не является ни интуитивным, ни считываемым непосредственно из опыта, но зависит, скорее, от прагматических соображений и поведенческих установок, отвечая тем самым интересам и нуждам человека:

«... хотя *априори* не продиктовано ни тем, что представлено в опыте, ни каким-либо трансцендентным и вечным фактором человеческой природы, оно все же соответствует критериям общего типа, которые можно обозначить как прагматические» [Lewis, 1956, p. 239].

«... классификации и соответствующие им критерии определяются прагматически, а не метафизически, и даже если такие критерии установлены, не может быть ничего, что было бы неподвластно классификации более чем одним способом <...> И в природе объекта не может быть ничего, что определяет *fundamentum divisionis*, по соответствию с которым его следует классифицировать» [Lewis, 1946, p. 105].

Придерживаясь пирсовского подхода, Льюис предлагал фаллибилистское понимание коллективного прогресса знания, утверждая, что предварительное расширение границ известного – в целях более глубокого постижения открывающегося нашему взору мира –

¹⁴ Касательно дискуссии между Карнапом и традицией прагматизма в США [см. также: Limbeck-Lilenau, 2012].

¹⁵ Все философы, связанные с прагматизмом, которых я буду здесь рассматривать, находились под более или менее непосредственным влиянием великого основателя этой философской школы Ч. С. Пирса. Пирс был исключительно богатым и сложным мыслителем, и хотя я не в состоянии в этом кратком исследовании воздать должное его мысли, я надеюсь, что читатели воспримут эпиграф из этого текста как сигнал о том, что дух «кантовской вариации» Пирса в полной мере пронизывает предлагаемую мной реконструкцию идеи релятивизированных *априорных* принципов.

требует пересмотра наших рациональных ресурсов в сфере смыслообразования, понятийных каркасов, которые следует рассматривать как «социальные приобретения, полученные в свете различного опыта, который имеет между собой много общего, и одержавшие верх в конкурентной борьбе благодаря совпадению человеческих устремлений и нужд человеческой кооперации» [Lewis, Goheen, Mothershead, 1970, p. 239]. Льюис считает, что *априорные* принципы, которые мы принимаем в качестве того, что регулятивно применительно к опыту, – это те эмпирические обобщения, которые мы отбирали на протяжении нашей когнитивной истории в качестве тех из них, которые не поддаются опровержению, что делает возможным дальнейшее исследование посредством определения пространства вопросов, которыми следует задаваться¹⁶.

Схожим образом, примыкая к той же прагматистской традиции Льюиса (впрочем, главным образом через обсуждение «операционально» *априорных* принципов по Дьюи), но и более непосредственно под влиянием конвенционализма Пуанкаре, Артур Пап защищал теорию *априори*, согласно которой отвергается принятие таких принципов посредством трансцендентальной дедукции или посредством способности интеллектуального созерцания [intuition]: *априорные* принципы «можно назвать *функциональными* в той мере, в какой *априори* характеризуется в терминах функций, которые пропозиции могут выполнять в экзистенциальном исследовании независимо от того, будут ли они по формальным основаниям классифицированы как аналитические или как синтетические» [Pap, 1946, p. viii].

Пап различает три вида *априорных* принципов: формальное, материальное и функциональное *априори*. Утверждение как функциональное *априори* сводится к той роли, которую оно играет внутри системы физической теории, так что любое эмпирическое обобщение в принципе может быть отобрано и «закреплено» для исполнения конститутивной роли, обретая определительный [definitonal] статус¹⁷. Итак,

«выступает ли гипотеза в качестве *априори* или нет, зависит от степени ее всеобщности. Именно наиболее *общие* законы при любых обстоятельствах рассматриваются в качестве методологических постулатов или направляющих принципов, поскольку сама возможность науки зависит от их обоснованности <...>. Будучи несомненно синтетическими <...> они не являются *формально* необходимыми; их необходимость лишь функциональна» [Pap, 2006, p. 73].

В самом деле, настаивает Пап, «если определительные или аналитические утверждения могут быть полезны в исследовании, другими словами, если они имеют экзистенциальное значение, а не являются пустыми *номинальными* определениями, то причиной тому – их синтетические происхождение» [Ibid., p. 74].

¹⁶ Чанг, вдохновленный Льюисом, недавно предложил подход (но еще более практически ориентированный) к *априорной* необходимости, предположив, что «нечто является “с необходимостью истинным”, если оно *должно* быть *принято* за истинное для целей некоторого эпистемического действия», трактуя, таким образом, метафизические принципы как то, что со-варьируется вместе с различными видами эпистемической деятельности, которую мы решаем осуществить [см.: Chang, 2008, p. 132]. Касательно принятия Льюисом некоторой формы не-когнитивного (данного) элемента опыта, а также его отношения к Селларсу [см.: Sachs, 2014]. О льюисовском понимании «реального» [см.: Järvillehto, 2014].

¹⁷ Полный обзор взглядов Папа [см.: Stump, 2011].

Несколько десятилетий спустя Хилари Патнэм, твердо придерживавшийся традиций американского прагматизма, но также, вероятно, под влиянием работ своего *Doktorvater* Ганса Рейхенбаха, привел аргументы в пользу слабой формы *априорных* принципов, которую назвал «контекстуальной априорностью»,

«суть которой заключается в том, что мы можем признать, что некоторая истинность [truths] и в определенное время даже некоторая ложность [falsehoods] имеют особый статус, но при этом мы не обязаны признавать, что этот статус – старая добрая априорность. Статус, которым наделена эта истинность и ложность, пока она ей наделена, представляет собой контекстуальную априорность: априорность относительно совокупности знания. И тезис о том, что не существует *априорной* истинности, становится тезисом о том, что не существует абсолютно *априорной* истинности» [Putnam, 1983, p. 99].

Таким образом, относительная априорность, которую отстаивает Патнэм, отсылает к непререкаемому характеру некоторых специфических для теории (логических или метафизических) предпосылок, которые невозможно опровергнуть напрямую (независимо от количества данных наблюдения) изнутри понятийной экономичности самой теории, и которые «могут быть отброшены только новой теорией – иногда революционной новой теорией <...> Такие утверждения *обладают* своего рода “априорностью” до изобретения новой теории, которая их оспаривает или заменяет: они *контекстуально априорны*» [Ibid., p. 95]. Другими словами, хотя эти контекстуально априорные принципы обеспечивают условия интеллигибельности и базовый понятийный каркас терминов научной теории (или любой репрезентации внешнего мира), только интрапонятийная революция, иерархический пересмотр всего каркаса может привести к их пересмотру¹⁸.

Этот краткий обзор будет неполным без хотя бы упоминания теории научных революций Томаса Куна, в основе которой лежит эпохальная смена парадигм, играющих роль наборов *априорных* принципов. Хотя позиция Куна слишком хорошо известна, чтобы вновь рассматривать ее во всех деталях, стоит отметить, что в одной из поздних работ, обсуждая законы, которые входят в теорию «постулатами» [stipulatively] и делают возможной эмпирическую интерпретацию терминов, он прямо заявляет, что

«я не назвал бы такие законы именно аналитическими, поскольку для их первоначальной формулировки был необходим опыт природы. Тем не менее, в них есть нечто от той необходимости, которую подразумевает обозначение «аналитическим». Возможно, «синтетическое *априори*» подходит лучше» [Kuhn, 1990, p. 306]¹⁹.

¹⁸ Стоит еще раз отметить, что представление о том, что *априорные* принципы могут быть пересмотрены, не тождественно куйановскому холизму, поскольку в последнем отрицается *любое* различие между *априорными* и *апостериорными* утверждениями в теории. Стамп выражает это достаточно ясно, когда поясняет, что «хотя Куайн признает, что некоторые элементы эмпирической теории гораздо реже подвергаются пересмотру, чем другие, он недооценивает асимметричное отношение между “жестким ядром” и “периферией”. Дело не только в том, что периферия с большей, чем жесткое ядро вероятностью будет пересмотрена, а, скорее, в том, что утверждения из периферии даже не могут быть высказаны, не говоря уже о том, чтобы подвергнуть их проверке, если бы жесткое ядро не исполняло функцию *априори* в кантовском смысле, как необходимое предварительное условие» [Stump, 2003, p. 1150]. О различиях между Куйаном и Патнэмом по этому вопросу [см.: Tsou, 2009].

¹⁹ Около 1995 г. Кун утверждал, что «совершая обзор своей позиции, я поясняю, что являюсь сторонником кантианства с подвижными категориями. Это уже не вполне кантовское *априори*, но тот опыт

Завершив этот обзор идеи релятивизированной формы *априорного* знания, того «специфического вида знания, которое кажется необходимым и не бессодержательным, но в то же время не вполне заявляет о каких-либо фактических притязаниях» [Коффа, 2024, с. 192, пер. изм.], и показав, как в руках этих философов кантовские принципы претерпели исторически обусловленный модальный сдвиг от необходимости к контингентности (и обратно)²⁰, теперь я сосредоточусь на одном крайне выдающемся примере такой релятивизации.

Динамическое кантианство Фридмана

Я <...> надеюсь в конечном итоге создать преобразованную – и в корне историзированную – версию кантовской философии, более непосредственным образом актуальную для философских, научных, технологических, политических и духовных затруднений нашего времени.

М. Фридман. *Кантианские сюжеты в современной философии*
[Kantian Themes in Contemporary Philosophy]

Майкл Фридман как никто другой из современных интерпретаторов продемонстрировал решающую роль, которую сыграли естественные науки в генезисе и структуре философии Канта. Как он кропотливо демонстрирует в многочисленных публикациях на эту тему, главной целью Канта было найти общий язык с лучшими образцами науки его времени (физикой Ньютона) и предоставить им философскую опору. Фридман настаивает, что

«Кант, отнюдь не усматривая в картине мира, подразумеваемой современной физико-математической наукой, никакой угрозы для своей философской трансцендентальной аргументации в разделах об Эстетике и Аналитике из *Критики чистого разума*, осуществляет решающий ход в данной аргументации именно для того, чтобы раз и навсегда закрепить философские основания этой картины мира» [Friedman, 1998, p. 122].

[когда я, будучи студентом, выступил с докладом о предварительных условиях познания согласно Канту], безусловно, подготовил меня к синтетическому *априори* Канта» [Kuhn, Conant, Haugeland, 2000, p. 264].

²⁰ Уильям Уимсетт в содержательной работе с подзаголовком «Как контингентное становится необходимым» [How the Contingent Becomes Necessary] предлагает *обобщенный* подход к процессу создания регулятивных принципов (хотя он не использует такую терминологию) в различных контекстах. Уимсетт описывает феномен *генеративного закрепления* [generative entrenchment], посредством которого «изначально изменчивые или динамичные процессы могут “затвердеть” в результате применения, или высвободиться посредством разукрепления [disentrenchment]. По мере накопления зависимостей, предположительно произвольные контингентности могут стать сугубо необходимыми, выступая в качестве генеративных структурных элементов для других контингентностей, добавленных позднее», причем данные структуры могут быть «материальными, абстрактными, социальными или ментальными» [Wimsatt, 2007, p. 135]. Примечательно, что идеи Уимсетта проистекают из наблюдений за поведением природных систем, подверженных эволюционным процессам, т.е. из того же научного фона, который оказал такое большое влияние на американских прагматиков (в особенности на Пирса и Дьюи), которые внесли глубокий вклад в идею релятивизации (и в важном смысле – *натурализации*) *априорных* принципов.

Исходя из признания контекстуального наложения философии Канта на ньютоновскую науку, Фридман, тем не менее, утверждает, что можно представить кантовскую структуру достаточно гибкой, чтобы приспособить ее к *новым* научным теориям (или развить ее с их помощью), и что это действительно то, на что, по мнению самого Канта, был способен философский проект последнего. В ходе внимательного изучения *Метафизических начал естествознания* Канта – важного и относительно мало исследованного текста в составе кантовского канона – Фридман обнаруживает прямую зависимость общих принципов синтетического *априорного* знания от конкретных экзemplификаций этих способов познания, предлагаемых ньютоновской физической наукой (к примеру, эмпирическое понятие «материи» в ньютоновской физике является непосредственной экзemplификацией синтетического *априорного* принципа субстанции, представленного в *первой Критике*). Смелый тезис Фридмана заключается в том, что

«с одной стороны, более абстрактные и общие синтетические *априорные* принципы, отстаиваемые в *первой Критике*, в той же мере подлежат опровержению дальнейшим прогрессом эмпирических естественных наук, как и более конкретные и явно математические принципы, отстаиваемые в *Метафизических началах*, а с другой стороны, очень трудно даже понять аргументы Канта в пользу все еще слишком строгих и требовательных принципов, сформулированных в *первой Критике*, не признавая при этом главенствующей роли *Метафизических начал*» [Friedman, 2006, pp. 320-321].

Используя эту кантовскую интерпретацию [см., в частности: Friedman, 1992; Friedman, 2013] и утверждая, что в свете физических и геометрических революций конца девятнадцатого и начала двадцатого века, мы «без сомнения узнали, что [кантовские] условия возможности или необходимые предпосылки эмпирических естественных наук не следует рассматривать в качестве навечно жестко фиксированных, в качестве навсегда огражденных от пересмотра» [Friedman, 1997], Фридман начинает развивать собственную разновидность неокантианской философии науки, отстаивая роль вдохновенного Рейхенбахом понятия «динамического *априорного*» элемента, неотъемлемого от развития научных теорий. Это – задействование посткунианского²¹ понимания того, что «лучшая на сегодняшний день историография науки требует проведения фундаментального различия между, с одной стороны, конститутивными принципами, и, с другой стороны, полноценными эмпирическими законами, сформулированными на фоне таких принципов» [Friedman, 2001, p. 43].

Фридман утверждает, что для того, чтобы понять смысл наблюдаемого исторического перехода от одного набора конститутивных принципов к другому, фактически действующих в качестве *подвижных основоположений*²² для научного знания,

²¹ [См.: Friedman, 2010], где дана отчетливая формулировка его динамического кантианства «в качестве ответа на теорию научных революций Томаса Куна».

²² Или, если попытаться сместить регистр на хайдеггерианскую терминологию, – в качестве *безосновных оснований*. Об истории кантовского априорного условия опыта в «континентальном» контексте можно было бы сказать еще многое, следуя от (по крайней мере) исторически-феноменологической ревизии Хайдеггера и ее оригинальной переработки Фуко. Ян Хакинг – автор, который в своих работах исследует связь между фуколдианским вниманием к истории и посткунианским подходом, на обновление которого рассчитывает Фридман. Особенно многообещающая связь между этими двумя интеллектуальными традициями, на которую

«кантовское представление о “трансцендентальной” в специфическом смысле функции философии (как метанаучной дисциплины) следует <...> релятивизировать и обобщить. Начинание, которое Кант назвал “трансцендентальной философией”, – проект по формулированию и философской контекстуализации наиболее фундаментальных конститутивных принципов, определяющих опорный пространственно-временной каркас эмпирической естественной науки, следует рассматривать столь же динамически и исторически обусловленно, как физико-математические конститутивные принципы, которые являются для него [проекта] объектом» [Ibid., p. 45]²³.

В противовес представлению традиционного натурализма об ограниченной роли, отводимой *априорным* философским методам, Фридман стремится определить границы собственной роли философии в нашем познавательном начинании по исследованию природы, используя вдохновленное Кантом различие между исследованиями первого порядка (собственно наукой) и метауровнем трансцендентального осмысления понятийной возможности такого исследования, и тем самым проследить кантовское влияние на рождение из «натурфилософии» двух различных (но так и не ставших полностью независимыми друг от друга) дисциплин – науки и философии²⁴. Предлагая трехуровневую картину знания (разделенную, в порядке абстракции, на эмпирические законы природы, научные парадигмы и философские метапарадигмы), Фридман полагает, что философия способна и должна продвигать

«создание и стимулирование новых каркасов или парадигм, а также того, что можно было бы назвать метакаркасами или метапарадигмами, – новыми концепциями того, что может представлять собой последовательное рациональное понимание природы, которые способны мотивировать и поддерживать революционный переход к новому знанию первого уровня или научной парадигме» [Friedman, 2001, p. 23].

Таким образом, на провокационный вопрос, который я задал в заголовке данной статьи, мы, вместе с Фридманом, могли бы ответить, что Кант (помимо всего прочего!) дал нам до сих пор ценную понятийную карту для разграничения территорий науки и философии, сохраняя при этом в поле зрения многообразие способов, которыми они *взаимно определяют* историческую эволюцию друг друга: на мой взгляд, весьма ценное достижение для любого философа-реалиста, заинтересованного в поддержании осознанного отношения к науке. С точки зрения кантовского натурализма, философию не следует рассматривать

лишь вскользь обратил внимание сам Фридман, представлена в работах Гастона Башляра, в частности, то, что касается его настойчивого утверждения диалектической взаимосвязи между рационально-математическим формулированием принципов и проведением эмпирических экспериментов. Я изучаю эту связь в рамках моего следующего исследования.

²³ Фридман далее поясняет, что «сказать, что А является конституирующим условием для В, значит, скорее, что А является необходимым условием не просто истинности В, а осмысленности или обладания истинностной ценностью В. В ставшей уже относительно привычной терминологии это означает, что А является *предпосылкой* В» [Friedman, 2001, p. 74]. Любопытно, не является ли подбор слов Фридманом в данном отрывке явной отсылкой на обсуждение Коллингвудом «абсолютных предпосылок» как того, что определяет область метафизики, еще одного важного – хотя и несколько мало изученного – варианта развития кантовских идей [см.: Collingwood, 1940].

²⁴ Более подробное обсуждение истории «натурфилософии» и возможности возобновления такого синоптического проекта сегодня [см.: Gironi, 2017].

ни в качестве «первой философии» (воспроизводя куайновское полемическое употребление этой фразы), трансцендентальным образом задающей законность того, что наука может или не может знать, ни в качестве «второй философии» (согласно определению Мэдди) [Maddy, 2007], строго подчиненной практикам науки. Грамотная натуралистическая позиция заключается в том, чтобы рассматривать их вместе в пределах единого континуума, при этом направленного в обе стороны, на котором обе дисциплины предоставляют взаимные ограничения и создают возможности для понятийного творчества и эмпирических открытий²⁵.

Однако на это можно возразить, что идея релятивизированного *априори* может оказаться несовместимой с любой надежной формой реализма: в самом деле, рассмотрим антиметафизический «нейтрализм» Карнапа, утверждение «внутреннего реализма» Патнэма, а также несколько неопределенную позицию Фридмана относительно проблемы реализма (его тезис о рациональности динамического и прогрессивного пересмотра конститутивных принципов, как он уточняет, «не предполагает параллельной концепции научной истины, – ни “реалистической”, ни “антиреалистической”» [Friedman, 2001, p. 68, p. 83]). Говорить о «свободном выборе», «обусловливании» или «соглашении» – значит, по-видимому, развенчивать онтологические вопросы и избегать всякой конфронтации с пространственно-временной физической реальностью²⁶. Реалистическая цель, напротив, заключалась бы в сохранении определенного прагматического волюнтаризма, направляющего процесс пересмотра понятийных каркасов (т. е. свободной, но упорядоченной процедуры предположения и интрапонятийного формулирования гипотез, ведущей к принятию новых понятий), причем без утраты права на реалистическую приверженность идее, независимой от таких каркасов реальности, которую мы стремимся описывать с возрастающей степенью (конвергентного) приблизительного соответствия. Другими словами, («спекулятивный», «новый») реалист мог бы возразить, что если Кант виновен в том, что поместил реальность по ту сторону эпистемически-понятийного экрана, который мы не можем преодолеть, то все эти кантовские пересмотры лишь релятивизируют и плюрализуют эти экраны, сохраняя при этом их непреодолимую природу, – по сути, это то, что новые «континентальные» формы реализма ставят в вину континентальной философии последних пятидесяти лет.

²⁵ Эта позиция также позволяет развенчать недальновидные заявления, изобличающие бесполезность философии и продвигающие научную автократию. Как писал Эрнан Макмаллин, «опыт нескольких столетий послужил тому, чтобы устранить принципы, которые некогда влияли на ход развития науки, и дать другим возможность преуспеть. Может возникнуть соблазн решить, что регулятивные принципы метафизического характера в широком смысле более не играют роли в естественных науках. Однако даже минутного размышления о текущих дебатах в области теории элементарных частиц, квантовой теории поля, космологии должно быть достаточно, чтобы показать, что это далеко не так. Правда, принципы, о которых идет речь, могут быть не настолько откровенно метафизическими, как это часто было во времена Ньютона; однако это – различие по степени, а не по виду» [McMullin, 1978, p. 127].

²⁶ Вот лишь один пример: Имре Лакатос, еще один философ, о котором можно сказать, что он разработал версию подлежащих пересмотру априорных принципов, регулирующих исследование, критиковал Пуанкаре именно за эту особенность его конвенционализма, поясняя, что «наш подход отличается от джастификационистского конвенционализма Пуанкаре тем, что мы предлагаем отказаться от твердого ядра в том случае, если программа больше не позволяет предсказывать ранее неизвестные факты. Это означает, что в отличие от конвенционализма Пуанкаре мы допускаем возможность того, что при определенных условиях твердое ядро, как мы его понимаем, может разрушиться» [Лакатос, 2008, с. 363].

Однако здесь стоит отметить, что динамическое понимание априорных каркасов не эквивалентно тому, что Мейясу обозначил как «фактичность» (эпистемический ограничительный принцип, который устанавливается посттрансцендентальной философией, применяемый ко всему человеческому опыту) – ту самую фактичность, которая, начиная с сильного корреляционизма Хайдеггера и далее, заманивает нас в ловушку нашей эпистемической конечности. Поэтому Мейясу утверждает, что «фактичность касается гипотетических структурных инвариантов мира <...> Эти структуры фиксированы <...>, их фактичность проявляется в том, что они могут быть объектом только описательного дискурса, но не обосновывающего», так что «фактичность – лишь незнание о должностовании-быть-так в корреляционной структуре» [Мейясу, 2015, с. 53]. Сторонник «динамического кантианства», напротив, утверждает, что эти *априорные* структуры *не* фиксированы, и что эпистемические агенты *могут* рационально объяснить их модификацию, ссылаясь на экспериментальный (и исторический) маятниковый обмен с независимой от разума реальностью. Явно отсылая к селларсовскому понятию «логического пространства оснований», Фридман поясняет, что, по его мнению,

«конститутивный каркас физико-математической теории порождает то, что мы могли бы назвать эмпирическим пространством оснований: сеть инференциальных доказательных [inferential evidential] отношений, порожденных как логико-математическими принципами, так и физическими координирующими принципами, которая определяет, что может считаться эмпирическим основанием или обоснованием для любой данной реальной возможности» [Friedman, 2001, p. 85].

Если понятийные каркасы обеспечивают нас картами для навигации по определенному эмпирическому пространству оснований, то рационально-философская задача состоит в том, чтобы исследовать метауровень всех возможных конфигураций понятий такого рода, оттачивая, исправляя и перестраивая их инференциальные связи, чтобы достичь необходимой гибкости для отображения комплексного и динамического реального порядка. Способность человека *модифицировать свои понятийные схемы* является одним из ключевых когнитивных навыков, делающих возможным научное исследование, и она действительно является результатом эмансипирующего по своей сути и бесконечного труда разума [reason]: формулирование, обоснование и (в конечном счете) пересмотр или перепрофилирование понятий и убеждений в целях улучшения нашего понимания мира²⁷. С точки зрения анти-фаундационалистской, фаллибилистической эпистемологии, эта когнитивная гибкость, наделяющая привилегией *процесс* абдуктивного умозаключения, а не *результат* предположительно надежного фундамента знания, делает возможным фрагментарное приблизительное соответствие между нашими понятиями и объектами науки посредством постоянного пересмотра этих понятий. Рассуждение, по выражению Пирса, «исправляет не только свои заключения, но и свои послышки» [Пирс, 2005, с. 195].

²⁷ Как на этот счет выразился Льюис, «допущение, что наши категории навечно фиксированы благодаря исходной человеческой одаренности, – это суеверие, сравнимое с верой примитивных людей в то, что общие черты их жизни и культуры имеют незапамятное и сверхъестественное происхождение» [Lewis, 1956, p. 234].

Таким образом, от нас требуется пересмотреть наше понимание того, как работают *понятия* (переходя от статичного, классического представления о понятиях как фиксированных «ярлыках» к оцениванию того, как семантические слои и наложения являются необходимыми предпосылками для того, чтобы понятие сохраняло связь с объектами, подвергающимися постоянным контекстуальным изменениям)²⁸, а также того, что представляют собой (переходя от неподвижной, иерархической структурной парадигмы к коллективно реализуемому процессу непрерывного обсуждения и перераспределения обязательств)²⁹ *разум* и *размышление*, одними из наиболее совершенных примеров которых служат математические науки. В таком случае, трансцендентальные структуры следует рассматривать как нечто подверженное нескончаемому, но прогрессивному процессу внутреннего устранения корней и обновления, *определяющего* границы мыслимого и в то же время позволяющего нам *выходить за их пределы*. Важно, что эта «динамически-структуралистская» схема должна рассматриваться как действующая во всех формах интеллектуального исследования, начиная способом, которым в математике и логике парадоксы, имманентно обусловленные заданным набором аксиом (*quia* имплицитных определений), могут стимулировать создание новых логических структур, организованных вокруг новых аксиом, и заканчивая тем, как экспериментальные аномалии, вступающие в противоречие с фоновыми конститутивными принципами физической теории, могут отмечать необходимость (философски-научной) выработки новых *априорных* принципов.

Кантианский концептуализм Селларса и научный реализм

Любая классификация объектов, какой бы уверенной и категорической она ни была, является авантюрой, авантюрой, которая ни в коем случае не находит своего оправдания в досимволическом видении родовидовой неподдельной сути объектов опыта.

Классификация напоминает цепкие щупальца спрута, то нерешительные, то самоуверенные, а не продавца, подбирающего костюм для покупателя, которому хватило беглого взгляда на телосложение клиента.

У. Селларс. *Наука, восприятие и реальность* [Science, Perception, and Reality]

Отнюдь не являясь ярким научным редуccionистом, как утверждают плохо информированные критики «селларсианского поворота» в «спекулятивном реализме», Селларс был последовательным кантианским мыслителем, одновременно твердо приверженным безоговорочному примату естественных наук в решении вопросов существования *и* важности (вдохновленных Кантом) инференциально сформулированных структур понятийной мысли как в том, что касается понимания этих научных результатов,

²⁸ Я заимствую термин «классическое представление» [classical picture] из работы Марка Уилсона, представляющей важную критику этой позиции, согласно которой объекты и понятия при условии достаточного анализа могут быть недвусмысленно приведены в парное соответствие раз и навсегда (к фиксированной связи между предикатом и универсалией, общей для всех рассматриваемых объектов) [см.: Wilson, 2006].

²⁹ Интересный обзор когнитивной истории развития разума, представленного в математической мысли [см.: Macbeth, 2014]. Прекрасное исследование рассуждения как социальной практики отзывчивого взаимодействия с другими рациональными агентами [см.: Laden, 2012].

так и в том, что касается нормативной экспликации нашего места (*qua* личностей, интенциональных существ) во вселенной, которую они описывают³⁰. Приверженность приоритету науки в области описания и объяснения вселенной идет, согласно Селларсу, рука об руку с развитием центральной кантовской идеи о том, что понятия – это недескриптивные / объяснительные правила инференциального размышления, делающие возможным описание и объяснение³¹. Поэтому, вспоминая свою первую встречу с Гербертом Фейглем (его тогдашним коллегой в Университете Айовы), Селларс пишет, что

«серьезность, с которой я воспринимал такие идеи, как каузальная необходимость, синтетическое *априорное* знание, интенциональность, этический интуиционизм, проблема универсалий и т. д. и т. п., должно быть, задела эмпирицистские чувства [Фейгля]. Даже когда я ясно дал понять, что *моя цель состоит в том, чтобы вывести [map] эти структуры в атуралистической, даже материалистической метафизике*, он, как и многие другие, почувствовал, что я иду окольным путем» [Sellars, 1999] (курсив – Ф. Дж.).

Именно эта синоптическая амбиция отстаивать сильную реалистическую позицию, оставаясь при этом твердым приверженцем кантовской традиции (в противоположность эмпиризму чувственных данных его современников логических позитивистов), делает проект Селларса приемлемым для современного реалиста, стремящегося дистанцироваться как от возврата к докантовскому рационалистическому реализму, так и от возможности чисто спекулятивной метафизики, отстаиваемой некоторыми «спекулятивными реалистами». Несмотря на периодические (и противоречивые) обвинения в обратном, селларсианский реалист не является *ни* бешеным физикалистским редукционистом, *ни* «корреляционистом», в очередной раз возводящим языковую / понятийную стену между нами и «Великим Внешним» [Great Outdoors]. Напротив, я намерен показать в этом кратком заключительном разделе, как селларсианский подход к феномену понятийного пересмотра обеспечивает наилучшую, т. е. наиболее эпистемически надежную форму научно обоснованного реализма из всех, на которые мы можем надеяться в настоящее время.

Селларс развивает кантовскую идею о том, что наши понятийные каркасы следует понимать как сеть правил, устанавливающих стандарты корректности суждений, так что значение понятия оценивается в соответствии с той ролью, которую оно играет в рамках такого каркаса: «... понятийный статус <...> конституируется, полностью конституируется синтаксическими правилами» [Sellars, 1991, p. 316], так что «понятийное значение дескриптивного термина конституируется тем, что может быть выведено из него в соответствии с логическими и экстралогическими правилами языка (понятийного каркаса) в области инференции, к которому он [термин] принадлежит» [Ibid., p. 317].

³⁰ Я не буду пытаться подробно изложить зачастую весьма сложную, систематическую философию Селларса: моя скромная цель – разжечь аппетит философа-реалиста с помощью наброска того, какие цели преследует его масштабный философский проект, а также развеять некоторые распространенные заблуждения.

³¹ Двойственность позиции Селларса часто иллюстрируют ссылками на две его наиболее известные максимы: отрывок о «*scientia mensura*» («в плане описания и объяснения мира наука есть мера всех вещей – существующих, что они существуют, и несуществующих, что они не существуют») и отрывок о «пространстве оснований» («Все дело в том, что, определяя некий эпизод или состояние как знание, мы не даем эмпирического описания этого эпизода или состояния, а помещаем его в логическое пространство разумных оснований, т. е. в пространство обоснования и способности обосновывать то, что мы говорим», – из § 41 и § 36 ЕРМ [Empiricism and philosophy of mind] соответственно [см.: Селларс, 2021, с. 109 и с. 102 соответственно]).

Такая функционально-ролевая семантика позволяет ему объяснить феномен понятийных изменений посредством представления понятий-преемников в новых научных теориях как функциональных аналогов понятий вытесняемой теории достаточно схожих, чтобы играть ту же функциональную роль в понятийной экономичности теории, но не обязательно сохраняющих тот же самый внутренний характер. Понятия, организующие опыт, *qua* узлы в пространстве инференции, устанавливающие логические и материальные правила осуществления инференции, могут быть модифицированы и сохранены (скажем, «масса» или «электрон») или отброшены (скажем, «эфир»), если соответствующая функциональная роль не является частью нового каркаса³². Тогда та разновидность синтетической *априорной* пропозиции, которую допускает Селларс, является истинной *ex vi terminorum*, (т. е. имплицитным определением), а ее необходимость соотносится с холистическим каркасом понятий, в который она [пропозиция] встроена. Как говорит сам Селларс, «хотя каждый понятийный каркас включает в себя пропозиции, которые, несмотря на то, что они являются синтетическими, истинны *ex vi terminorum*, каждый понятийный каркас также является лишь одним из множества конкурирующих за признание на бирже опыта» [Ibid., p. 320].

Однако Селларса среди всех приверженцев тех или иных разновидностей кантианства, которые я кратко описал выше, выделяет его бескомпромиссно реалистическая позиция, обуславливающая его идею *отображения* [picturing]: материалистическое дополнение к его теории истины как внутриязыкового свойства предложений (возможности семантического удостоверения). Отвергая теорию значения, основанную на проблематичном семантическом «отношении» между языковым термином и универсалией (и предлагая номиналистическое растворение проблемы абстрактных сущностей путем их переосмысления в качестве метаязыковых сорталов [sortals]), Селларс сохраняет понятие репрезентации путем введения отображения как *реального отношения* (т. е. отношения физического порядка) между, с одной стороны, «естественными языковыми объектами», такими как фонетические метки [tokens] или письменные знаки [marks], или даже соответствующими нейрофизиологическими событиями (*qua* материальными паттернами) и, с другой стороны, физическими «внешними» объектами, – отношения, полностью специфицируемого в терминах казуальности. Поэтому в случае «атомарных» утверждений касательно положения дел [matter-of-factual statements] связь между символами и реальностью не может быть сведена к еще одной конвенции, поскольку это каузально специфицированный изоморфизм, не входящий в сферу нормативного (прагматического, конвенционального) обоснования: так, что хотя «значение языкового символа как языкового символа полностью конституируется правилами, которые регулируют его употребление», что значит, что понятия³³ определяются через их роль в инференции, «сцепление системы регулируемых правилами символов с миром само по себе не является фактом, регулируемым правилами» [Sellars, 1980, p. 150], но есть вопрос структурного единообразия, делающего возможным все более точное отображение.

³² Решить, какие понятия следует пересмотреть, а от каких следует отказаться при переходе от понятийного каркаса «явного образа» очищенного здравого смысла к понятийному каркасу «научного образа» субатомной физики, – вот главный вызов, с которым столкнулась программа стереоскопического видения Селларса.

³³ Селларс явно отождествляет языки и понятийные каркасы.

Таким образом, кантовский акцент на понятийно-опосредованной природе восприятия не должен вводить нас в заблуждение, заставляя полагать, что мы изолированы от мира посредством наших понятийных каркасов. Селларс поясняет, что

«тот факт, что мы склонны думать о понятийных актах как об имеющих только логическую форму, лишенных фактических характеристик <...> затрудняет признание того, что конечный смысл всех логических способностей, относящихся к понятийной деятельности в ее эпистемической направленности, – порождать понятийные структуры, которые в качестве объектов природы находятся в определенных фактических отношениях с другими объектами природы».

и далее, в примечании к этому отрывку, замечает, что

«главный изъян кантовской системы (как и системы Пирса) заключается в ее неспособности воздать этому факту должное. Понимание того, что логическая форма свойственна только понятийным актам (т. е. принадлежит “мыслям”, а не “вещам”), должно быть дополнено пониманием того, что “мысли”, как и “вещи”, должны обладать *эмпирической* формой, если ожидается, что они сцепляются друг с другом тем способом, который необходим для эмпирического познания» [Sellars, 1974, pp. 52, 61].

Хотя для полного раскрытия идей, которые лежат в основе данного тезиса, потребовалось бы куда больше места, чем я могу уделить им здесь, эти два отрывка, а также цитата, которой отмечено начало данного раздела, отражают одну из наиболее глубоких и неверно воспринятых идей философии Селларса. *Да*, наше сообщение с реальностью всегда понятийно опосредовано трансцендентальными понятиями, играющими конститутивную роль в том, каким образом мы инференциально формулируем наше знание о ней. *Нет*, реальность не обладает внутренней логико-пропозициональной формой, которую мы могли бы просто моментально «считать» с опыта; напротив, мы привносим такие понятия в опыт и должны пересматривать их или предлагать новые, позволяющие лучше отобразить реальность³⁴. И *нет*, понятия не порождают двусмысленную срединную зону между нами и реальностью, на которой могла бы процветать более или менее одухотворенная форма идеализма: понятия – это правила, функционально выраженные в паттернах проектировки знаков, которые онтологически *равнозначны* реальности, которой они приблизительно соответствуют, и как таковые являются имманентной частью природы: понятия функционально / нормативно нередуцируемы³⁵, и в то же время они онтологически

³⁴ Еще раз, как я уже отмечал выше, обсуждая позицию Фридмана, обратите внимание на то, что в этом процессе пересмотра и создания заключается особая метанаучная роль философии. Как это ясно выразил Брассье: «Рационалистический натурализм Селларса отводит философии решающую роль. Ее задача состоит не только в том, чтобы анатомировать категориальные структуры, присущие обыденным и научным образам соответственно, но и предлагать новые категории в свете обязательства давать объяснение статуса понятийной рациональности в рамках естественного порядка вещей. Таким образом, философия не является просто подсобным рабочим эмпирической науки; она сохраняет за собой автономную функцию законодателя пересмотра категорий» [Brassier, 2014, p. 112].

³⁵ Т. е. онтологически нередуцируемы, они не есть нечто *sui generis*. По этому поводу Дионис Христиас утверждает, что в свете идей Селларса, «ключевая ошибка корреляционизма, которую в качестве таковой Мейясу не обозначает, заключается в толковании нередуцируемости трансцендентального к эмпирическому

редуцируемы до пространственно-временной физической реальности. Сцепление понятий с реальностью становится возможным благодаря физико-информационному изоморфизму³⁶ между одной материальной системой и другой, так что адекватность понятийного каркаса для описания реальности может быть рационально (и даже количественно)³⁷ оценена в терминах корректного каузального отображения мира. Как и Фридман [см.: Friedman, 2001, p. 64], Селларс представляет динамический процесс понятийных схем в терминах Пирса как конвергентный ряд, асимптотически приближающийся к (регулятивному) идеалу безупречно полноценного соответствия между понятиями и реальностью, так что нет сомнений в том, что «наша нынешняя понятийная структура одновременно более адекватна, чем ее предшественники, и менее адекватна, чем некоторые из ее потенциальных преемников» [Sellars, 1968, p. 138]³⁸. Однако, развеивая сомнения, которые я высказал выше относительно произвольного характера релятивизированных *априорных* принципов как прагматичным образом принятых конвенций, Селларс критикует Пирса, отмечая, что «не принимая во внимание область “отображения”, он не располагал архимедовой точкой опоры за рамками ряда действительных и возможных убеждений, на языке которой можно было бы определить идеал или предел, которому могли бы приблизительно соответствовать члены этого ряда» [Ibid., p. 142].

Итак, еще раз отвечая на мой главный вопрос: Кант дал нам возможность сформулировать собственную роль философии *по отношению* к науке в качестве инструмента трансцендентальной рефлексии над *априорными* понятийными структурами, задействованными в научном теоретизировании. «Релятивизаторы» *априори* после Канта дали нам возможность сохранить (пересмотренную) кантовскую структуру и сделать ее совместимой с эволюцией науки. Натурализованное кантианство Селларса³⁹ дает нам

уровню посредством *дескриптивных/объяснительных* терминов вместо [того, чтобы делать это посредством] метаязыковых, практических и нормативных [терминов]» [Christias, 2016].

³⁶ Изоморфизм, о котором идет речь, не следует ожидать на морфологическом или ином качественном уровне. Селларс определяет отображение как более или менее адекватное «отношение между двумя связанными [relational] структурами» [Sellars, 1968, p. 135]. «Отдаленная аналогия», к которой прибегает Селларс, – это отношение между канавками на виниловой пластинке и музыкой, которую они производят [Sellars, 1991, p. 53]. Более актуальным примером может быть отношение между комбинацией данных (скажем, файлом в формате jpg) и изображением, которое она представляет.

³⁷ [См.: Rosenberg, 2007, p. 69], где пирсовскому идеалу асимптотического слияния предлагается точное определение в терминах сходящейся к пределу последовательности Коши.

³⁸ Заметим еще раз, что в отличие от Селларса, Фридман явно интерпретирует свое трансторическое рациональное слияние со все более точным каркасом в качестве совместимого с конструктивным эмпиризмом ван Фраассена, согласно которому возрастающая эмпирическая адекватность теории не означает приблизительного соответствия реальным сущностям [см.: Sellars, 1968, p. 84, n. 16].

³⁹ Гораздо более обстоятельный анализ натуралистического пересмотра философии Канта, проведенного Селларсом, представлен в работах Джеймса О’Ши [см.: O’Shea, 2007; O’Shea, 2011]. О’Ши (как мне кажется, успешно), предпринимающий попытку «интерпретировать синоптическое видение Селларса как сохраняющее и содержательный неокантианский понятийный анализ, и проецируемый идеал научного объяснения», считает, что «стереоскопическое видение Селларса – это именно тонкое параллельное сочетание этих двух измерений, измерения непрерывного научного объяснения и философско-аналитического измерения, в одном целостном представлении» и утверждает, что, хотя «[в] некотором важном смысле Селларс отказался от кантовского понятия синтетического *априори* <...> [о]н также явно стремился сохранить прагматическую и релятивизированную в том, что касается каркасов, версию чего-то сродни синтетическому *априори*» [O’Shea, 2011, p. 346]. На мое понимание проекта Селларса сильно влияет кристально ясное толкование О’Ши.

четкое представление о том, что эти динамически и исторически изменчивые понятийные схемы не просто результат конвенционального или прагматического выбора, сужающий наш эпистемический обзор до призрачной реальности феноменов, но они должны рассматриваться и в качестве сложных естественных структур, конструирование (и пересмотр) которых зависит от прямого (но никогда не *абсолютно надежно*) сцепления с реальностью самой по себе:

«... последовательный научный реалист должен стоять на том, что мир повседневного опыта – это феноменальный мир в кантовском смысле, существующий только как содержание действительных и достижимых понятийных репрезентаций, достижимость которых объясняется не, как у Канта, вещами самими по себе, известными только Богу, а научными объектами, о которых, если не случится катастрофы, мы будем узнавать все больше и больше по мере того, как идет время» [Sellars, 1968, p. 173].

Заключение

Цель моей статьи, к которой я следовал посредством панорамного обзора релятивизации *априорных* принципов, в конечном итоге заключалась в том, чтобы продемонстрировать, что «спекулятивный реализм», достойный этого имени, не может трактоваться как неограниченная метафизическая спекуляция, ограничением которой (если таковое вообще предполагается) является только логическая непротиворечивость, и что, скорее, его следует представлять *в близком соответствии с духом кантовской философии*, в качестве трансцендентального спекулятивного начинания на метауровне понятийных каркасов, содействующих процессу пересмотра тех понятий, которые регулируют и систематизируют (но не порождают) реальность, исследуемую естественными науками. Чтобы смягчить скептические возражения вокруг сомнений в том, что такой проект вообще может быть «реалистическим» в достаточно жестком смысле этого слова, я предложил взглянуть на глубоко революционный проект Уилфрида Селларса как на наиболее яркий пример натурализованного кантианства, согласно которому нормы и понятия представляются логически нередуцируемыми (конститутивными относительно) физической реальности, однако онтологически редуцируемыми к последней (в качестве ее частей), из того, что может предложить философия двадцатого века. Об этом проекте можно было бы сказать гораздо больше, но я надеюсь, что на данный момент убедил читателя в том, что это путь кантианства, по которому стоит пройти.

Список литературы / References

Брассье, Р. (2017). Понятия и объекты. *Логос*. Т. 27. № 3. С. 227-260.

Brassier, R. (2017). Concepts and Objects. *Logos*. Vol. 27. No. 3. Pp. 227-260. (In Russ.)

Карнап, Р. (1959). Эмпиризм, семантика и онтология. *Значение и необходимость. Исследование по семантике и модальной логике*. М.: Изд-во иностр. литературы. С. 298-320.

Carnap, R. (1959). Empiricism, Semantics, and Ontology. In *Meaning and Necessity. A Study in Semantics and Modal Logic*. Moscow. Pp. 298-320. (In Russ.)

Коффа, А. (2024). *Семантическая традиция от Канта до Карнапа: к Венскому вокзалу*. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация».

Coffa, A. (2024). *The Semantic Tradition from Kant to Carnap: to the Vienna Station*. Moscow. (In Russ.)

Лакатос, И. (2008). *Избранные произведения по философии и методологии науки*. М.: Академический Проект; Трикста.

Lakatos, I. (2008). *Selected Writings on Philosophy and Methodology of Science*. Moscow. (In Russ.)

Мейясу, К. (2015). *После конечности: Эссе о необходимости контингентности*. Екатеринбург; М.: Кабинетный ученый.

Meillassoux, Q. (2015). *After Finitude: An Essay on the Necessity of Contingency*. Yekaterinburg; Moscow. (In Russ.)

Пирс, Ч. С. (2005). *Рассуждение и логика вещей: Лекции для Кембриджских конференций 1898 года*. М.: РГГУ.

Peirce, C. S. (2005). *Reasoning and the Logic of Things. Cambridge Conference Lectures 1898*. Moscow. (In Russ.)

Селларс, У. (2021). *Эмпиризм и философия сознания*. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Sellars, W. (2021). *Empiricism and Philosophy of Mind*. St. Petersburg. (In Russ.)

Allison, H. (2004). *Kant's Transcendental Idealism: An Interpretation and Defense*. New Haven and London. Yale University Press.

Braver, L. (2007). *A Thing of This World: An History of Continental Anti-Realism*. Evanston. Northwestern University Press.

Brassier, R. (2001). Behold the Non-Rabbit: Kant, Quine, and Laruelle. *Pli: The Warwick Journal of Philosophy*. Vol. 12. Pp. 50-82.

Brassier, R. (2014). Nominalism, Naturalism, and Materialism: Sellar's Critical Ontology. In Bashour, B., Muller, H. D. (eds.). *Contemporary Philosophical Naturalism and Its Implications*. London and New York. Routledge. Pp. 101-114.

Carnap, R. (2000). *Logical Syntax of Language*. London. Routledge.

Carus, A. W. (2007). *Carnap and Twentieth-Century Thought: Explication as Enlightenment*. Cambridge. CUP.

Chang, H. (2008). Contingent Transcendental Arguments for Metaphysical Principles. *Royal Institute of Philosophy Supplements*. Vol. 63. Pp. 113-133.

Christias, D. (2016). Sellars, Meillassoux, and the Myth of the Categorical Given: A Sellarsian Critique of “Correlationism” and Meillassoux’s “Speculative Materialism”. *Journal of Philosophical Research*. Vol. 41. Pp. 105-128.

Collingwood, R. G. (1940). *An Essay on Metaphysics*. Oxford. Clarendon Press.

Ferraris, M. (2013). *Goodbye Kant! What Still Stands of The Critique of Pure Reason*. New York. SUNY Press.

Friedman, M. (1992). *Kant and the Exact Sciences*. Cambridge. Harvard University Press.

Friedman, M. (1997). Philosophical Naturalism. *Proceedings and Addresses of the American Philosophical Association*. Vol. 71. No. 2. Pp. 7-21.

Friedman, M. (1998). Kantian Themes in Contemporary Philosophy. *Aristotelian Society Supplementary*. Vol. 72. No. 1. Pp. 111-130.

Friedman, M. (1999). *Reconsidering Logical Positivism*. Cambridge. CUP.

Friedman, M. (2001). *Dynamics of Reason*. Stanford. CSLI Publications.

Friedman, M. (2006). Philosophy and Natural Science. In Guyer, P. (ed). *The Cambridge Companion to Kant and Modern Philosophy*. Cambridge. CUP. Pp. 303-341.

Friedman, M. (2010). A Post-Kuhnian Approach to the History and Philosophy of Science. *The Monist*. Vol. 93. No. 4. Pp. 497-517.

Friedman, M. (2013). *Kant’s Construction of Nature: A Reading of the Metaphysical Foundations of Natural Science*. Cambridge. CUP.

Gironi, F. (2017). The Return of Natural Philosophy: The Realist Turn as Synoptic Reconciliation of Philosophy and Science. In Taddio, L. (ed.). *New Perspectives on Realism*. Mimesis International. Pp. 135-163.

Gratton, G. (2014). *Speculative Realism: Problems and Prospects*. London. Continuum.

Harman, H. (2013). The Current State of Speculative Realism. In Austin, M., Ennis, P. J., Gironi, F., Gokey, T., Jakson, R. (eds.). *Speculations IV: Speculative Realism*. Punctum Books. Pp. 22-28.

Järvilehto, L. (2014). Concepts and the Real in C. I. Lewis' Epistemology. In Westphal, K. (ed.). *Realism, Science, and Pragmatism*. London and New York. Routledge. Pp. 243-250.

Kohnke, K. C. (1991). *The Rise of Neo-Kantianism: German Academic Philosophy Between Idealism and Positivism*. Cambridge. CUP.

Kuhn, T. (1990). Dubbing and Redubbing: The Vulnerability of Rigid Designation. In Savage, W., Conant, J., Haugeland, J. (eds.). *Minnesota Studies in the Philosophy of Science*. Minneapolis. University of Minnesota Press.

Kuhn, T., Conant, J., Haugeland, J. (eds.). (2000). *The Road since Structure: Philosophical Essays, 1970-1993, with an Autobiographical Interview*. Chicago. The University of Chicago Press.

Laden, A. S. (2012). *Reasoning: A Social Picture*. Oxford. OUP.

Lewis, C. I. (1946). *An Analysis of Knowledge and Valuation*. La Salle. Open Court.

Lewis, C. I. (1956). *Mind and the World-Order: Outline of a Theory of Knowledge*. New York. Dover.

Lewis, C. I., Goheen, G., Mothershead, J. L. (eds.). (1970). *Collected Papers of Clarence Irving Lewis*. Stanford. Stanford University Press.

Limbeck-Lilenau, C. (2012). Carnap's Encounter with Pragmatism. In Creath, R. (ed.). *Rudolph Carnap and the Legacy of Logical Empiricism*. Dordrecht. Springer. Pp. 89-111.

Macbeth, D. (2014). *Realizing Reason: A Narrative of Truth and Knowing*. Oxford. OUP.

Maddy, P. (2007). *Second Philosophy: A Naturalistic Method*. Oxford. OUP.

McMullin, E. (1978). *Newton on Matter and Activity*. Notre Dame. University of Notre Dame Press.

Mormann, T. (2012). Carnap's Boundless Ocean of Unlimited Possibilities: Between Enlightenment and Romanticism. In Wagner, P. (ed.). *Carnap's Ideal of Explication and Naturalism*. Basingstoke. Palgrave Macmillan. Pp. 63-78.

O'Shea, J. (2007). *Wilfrid Sellars: Naturalism with a Normative Turn*. Malden. Polity.

O'Shea, J. (2011). How to be a Kantian and a Naturalist about Human Knowledge: Sellars' Middle Way. *Journal of Philosophical Research*. Vol. 36. Pp. 327-359.

Pap, A. (1946). *The A Priori in Physical Theory*. New York. King's Crown Press.

Pap, A. (2006). The Different Kinds of A Priori. In Keupnik, A., Shieh, S. (eds.). *The Limits of Logical Empiricism. Selected papers of Arthur Pap*. Dordrecht. Springer. Pp. 57-75.

Putnam, H. (1983). *Realism and Reason: Philosophical Papers*. Vol. 3. Cambridge. CUP.

Reichenbach, H. (1965). *The Theory of Relativity and A Priori Knowledge*. Berkeley and Los Angeles. University of California Press.

Reichenbach, M., Cohen, R. S. (1978a). *Hans Reichenbach: Selected Writings, 1909-1953. Vol. 1*. Dordrecht. Reidel.

Reichenbach, M., Cohen, R. S. (1978b). *Hans Reichenbach: Selected Writings, 1909-1953. Vol. 2*. Dordrecht. Reidel.

Richardson, A. (1998). *Carnap's Construction of the World: The Aufbau and the Emergence of Logical Empiricism*. Cambridge. CUP.

Richardson, A. (2007). Carnapian Pragmatism. In Creath, R., Friedman, M. (eds.). *The Cambridge Companion to Carnap*. Cambridge. CUP. Pp. 295-315.

Rosenberg, J. (2007). *Wilfrid Sellars: Fusing the Images*. Oxford. OUP.

Sachs, C. B. (2014). *Intentionality and the Myths of the Given*. London. Pickering and Chatto.

Sacilotto, D. (2013). Realism and Representation: On the Ontological Turn. In Austin, M., Ennis, P. J., Gironi, F., Gokey, T., Jakson, R. (eds.). *Speculations IV: Speculative Realism*. Punctum Books. Pp. 53-64.

Sellars, W. (1963). Empiricism and Abstract Entities. In Schilpp P. A. (ed.). *The Philosophy of Rudolph Carnap*. La Salle. Open Court. Pp. 431-468.

Sellars, W. (1968). *Science and Metaphysics: Variations on Kantian Themes*. London. Routledge and Kegan Paul.

Sellars, W. (1974). *Essays on Philosophy and its History*. Dordrecht. Riedel.

Sellars, W. (1980). *Pure Pragmatics and Possible Worlds*. Atascadero. Ridgeview.

Sellars, W. (1991). *Science, Perception, and Reality*. Atascadero. Ridgeview.

Sellars, W. (1999). *Autobiographical Reflections*. [Online]. Available at: <http://www.ditext.com/sellars/ar.html> (Accessed: 11 April 2024).

Stump, D. (2003). Defending Conventions and Functionally *A Priori* Knowledge. *Philosophy of Science*. Vol. 70. No. 5. Pp. 1149-1160.

Stump, D. (2011). Arthur Pap's Functional Theory of the *A Priori*. *HOPOS: The Journal of the International Society for the History of Philosophy of Science*. Vol. 1. No. 2. Pp. 273-90.

Tsou, J. Y. (2009). Putnam's Account of Apriority and Scientific Change: Its Historical and Contemporary Interest. *Synthese*. Vol. 176. No. 3. Pp. 429-445.

Wilson, M. (2006). *Wandering Significance: An Essay in Conceptual Behavior*. Oxford. Clarendon.

Wimsatt, W. (2007). *Re-Engineering Philosophy for Limited Beings: Piecewise Approximations to Reality*. Cambridge. Harvard University Press.

Сведения об авторе перевода / Information about the translator

Лунев-Коробский Олег Александрович – младший научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: sickrrett@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7685-020X>.

Статья поступила в редакцию: 18.03.2024

После доработки: 10.05.2024

Принята к публикации: 10.06.2024

Lunev-Korobsky Oleg – Junior Researcher of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolayev Str., 8, e-mail: sickrrett@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7685-020X>.

The paper was submitted: 18.03.2024

Received after reworking: 10.05.2024

Accepted for publication: 10.06.2024